1907
726
1445.

ДРЕВНЯЯ ИНДІЯ.

А. Рославскаго-Петровскаго.

Статья первая.

Источники и пособія.

Источники: 1) Туземные. Начало знакомству съ ними европейцевъ положено послѣ утвержденія англичанъ въ Индіи, особенно со времени основанія ученаго общества въ Калькутѣ. Впрочемъ, какъ ни важны извѣстныя доселѣ произведенія санскритской литературы для познанія религіи, общественнаго и домашняго быта жителей, такъ они бѣдны и недостовѣрны касательно исторіи политическихъ переворотовъ Индіи, и всѣ новѣйшіе труды европейскихъ ученыхъ, обѣщавшіе полное изображеніе судьбы индійскаго народа, представляютъ извѣстія болѣе или менѣе неполныя. Туземныхъ источниковъ собственно историческаго содержанія найдено весьма немного, да и тѣ касаются исторіи только отдѣльныхъ частей Индіи, какъ напр.: а) Раджа-Тарангини (Рѣка царей) или лѣтопись Кашемира[1] (санскритскій оригиналъ открытъ въ 1805 году Кольбрукомъ), авторъ которой Кальхана жилъ въ половинѣ XII столѣтія послѣ Р. Х., но пользовался сочиненіями древнихъ писателей, оставившихъ повѣст-

[1] Ср. Раджа Тарангини, проф. *П. Я. Петрова*, въ «Моск. унив. извѣст.». 1865, № 1, стр. 1 — 14. До сихъ поръ было два изданія лѣтописи — Калькутское и Тройерозо.

вованія о царяхъ Кашемира; и офиціальными документами, и которая, начинаясь миѳическими временами, излагаетъ событія до 1125 года христіанской эры. Хотя у Кальханы дѣйствительность перемѣшана съ чудесами и самыя обыкновенныя происшествія часто облекаются въ волшебную одежду поэзіи, а языкъ его лѣтописи или лучше сказать поэмы исполненъ вычурныхъ метафоръ, тѣмъ не менѣе онъ сообщаетъ множество фактовъ, достойныхъ вниманія въ историческомъ отношеніи. Такъ, мы находимъ у него ряды династій и продолжительность каждаго царствованія (за исключеніемъ самыхъ древнихъ правителей), основаніе многихъ городовъ, сооруженіе храмовъ и заведеніе училищъ, введеніе новыхъ законовъ и вѣръ, подвиги великихъ людей, завоеванія, походы, битвы, внутренніе перевороты, интриги двора, замѣчательныя дѣянія раджей и ихъ министровъ, ихъ характеръ, анекдоты изъ ихъ частной жизни, общественныя работы и бѣдствія, какъ то: пожары, неурожаи и т. п. b) Собраніе покойнаго полковника Маккензе (Mackenzie Collection), представляющее богатый запасъ матеріаловъ для политической и религіозной исторіи Декана, начиная съ IV столѣтія послѣ Р. Х. до прибытія англичанъ; но для ознакомленія съ древнѣйшимъ состояніемъ этой страны и царствовавшихъ въ ней династій оно содержитъ мало годнаго матеріала. Впрочемъ до сихъ поръ издана и переведена только небольшая часть этого собранія относящаяся къ владѣтельнымъ домамъ, Пандіевъ и Ориссы, и с) три цейлонскія лѣтописи (Махаванса, Раджавали, Раджаратнакари), писанныя на палійскомъ нарѣчіи (отрасли пракрита) и переведенныя въ 1833 году на англійскій языкъ Опэмомъ (Upham), сообщаютъ достовѣрныя извѣстія объ исторіи не только Цейлона, со времени введенія на этомъ островѣ буддизма (въ 3-мъ стол. до Р. Х.), но и другихъ индійскихъ государствъ, преимущественно Магады (нынѣ Бегаръ). Самая древняя изъ нихъ, Махаванса, оканчивается 302 год. по Р. Х.

и трезвостію изложенія далеко превосходитъ сочиненіе Кальханы, хотя и въ ней встрѣчаются чудеса и разсказы, выдуманные съ цѣлью объяснить счастіе и несчастіе людей поступками ихъ прежней жизни, согласно догмату переселенія душъ. Нѣкоторыя данныя о царяхъ древней Индіи и ихъ родословныхъ можно найдти въ Пуранахъ, но для того чтобы изъ нихъ можно было извлечь какую-нибудь пользу, необходимо отдѣлить первоначальное зерно народнаго преданія отъ позднѣйшихъ прибавленій и вставокъ, сдѣланныхъ въ интересахъ ѳеократіи. Тоже самое и еще въ большей степени должно отнести къ двумъ извѣстнымъ поэмамъ, Рамаянѣ и Магабгаратѣ, служившимъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для вышепоименованныхъ лѣтописей и самыхъ Пуранъ. Поэтому пользованіе эпическими поэмами и Пуранами требуетъ, со стороны изслѣдователя, величайшей осмотрительности и особеннаго навыка въ обращеніи съ доставляемымъ ими матеріаломъ. О внутреннемъ бытѣ индійскихъ аріевъ въ то время, когда они жили еще въ Пенджабѣ, даютъ нѣкоторое понятіе гимны Ведъ, въ-особенности Риг-Веды, которые передавались изустно, прежде чѣмъ были списаны и приведены въ систему. Здѣсь-же встрѣчаемъ имена древнѣйшихъ царскихъ родовъ и племенъ Индіи, которые продолжали существовать и въ историческій періодъ, частію подъ тѣми-же, а частію подъ другими названіями, хотя и на новыхъ мѣстахъ жительства. Къ сожалѣнію, пониманіе языка Ведъ представляетъ большія трудности. — При недостаточности собственно историческихъ сочиненій, не маловажнымъ пособіемъ для пополненія ихъ могли бы служить надписи и монеты; но какъ тѣ, такъ и другія относятся къ довольно позднему времени. Самыя древнія надписи принадлежатъ эпохѣ извѣстнаго ревнителя буддизма Асоки (въ 3 ст. до Р. Х.), а изъ индійскихъ монетъ ни одна не восходитъ далѣе царствованія родоначальника династіи Сунга, Агнимитры, который вступилъ на престолъ въ 177 году до Р. Х.,

ла и по самому свойству своему, монеты могутъ имѣть только ограниченное употребленіе. При всемъ томъ и онѣ не должны быть оставлены безъ вниманія. Безъ нихъ мы не имѣли бы никакого понятія о нѣкоторыхъ событіяхъ индійской исторіи: не сохранись, напр., монетъ индо-скиѳскихъ царей, имена бо́льшей части этихъ правителей остались бы намъ совершенно не извѣстными.

2) Иностранные писатели. Первымъ непосредственнымъ знакомствомъ съ Индіею западъ обязанъ индійской экспедиціи Александра Великаго и ученымъ [1], сопровождавшимъ его, которыхъ сочиненія хотя до насъ не дошли, но ими пользовались Страбонъ (XV) и въ-особенности Арріанъ (современникъ Адріана и Антонина) въ своемъ описаніи Индіи, гдѣ находится извлеченіе изъ путевыхъ записокъ Неарха, равно какъ и позднѣйшими открытіями, сдѣланными послѣ побѣдоноснаго похода Селевка Никатора [2] и основанія греческаго царства въ Бактріи. Дополненіемъ къ симъ двумъ писателямъ служатъ: Діодоръ (кн. II, 17—19 и 35—42, и VII, 86—96), Квинтъ-Курцій (въ кн. VIII и IX), а въ географическомъ отношеніи Птоломей (VII), Мела (III, 7) и Плиній (VI, 17—21, VII, 20—24). Менѣе цѣны имѣютъ извѣстія, сообщаемыя Ктезіемъ (въ его сочиненіи Ἰνδικά, извѣстномъ по отрывкамъ, сохранившимся у Эліана и Атенея, и извлеченію, сдѣланному изъ него Фотіемъ); ибо они основаны на невѣрныхъ слу-

---

[1] Неарху, Онезикриту, Ветону, Діогнету.

[2] Мегасѳенъ, посланникъ Селевка Никатора при дворѣ индійскаго царя Сандракота, написалъ сочиненіе объ Индіи (Ἰνδικά), которое извѣстно намъ по цитатамъ, приводимымъ древними писателями. Арріанъ приписываетъ ему большую цѣну, между тѣмъ какъ Страбонъ нерѣдко сомнѣвается въ достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ Мегасѳеномъ (II, p. 70, и XV, p. 710).

хахъ, ходившихъ въ Персіи объ Индіи и ея жителяхъ. Напротивъ, большая часть разсказовъ Геродота (III, 38, 98—106, и нѣсколько словъ въ VI кн., при описаніи войска Ксеркса) подтверждена новѣйшими изслѣдованіями. Вообще, греческіе писатели занимаются преимущественно топографіею страны, а касательно народа — описаніемъ его нравовъ, характера и правленія, и говорятъ весьма мало о религіи и образованности индійцевъ. Что касается китайскихъ источниковъ, столь важныхъ для позднѣйшей исторіи Индіи, то они не сообщаютъ намъ никакихъ почти извѣстій о состояніи этой страны и ея государяхъ ранѣе IV или даже V вѣка по Р. Х., хотя непосредственныя торговыя сношенія между Индіею и небесною имперіей начались еще во 2-мъ столѣтіи хр. эры[1].

Пособія: Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten, dargestellt von Dr. *P. von Bohlen*, двѣ части, Кенигсбергъ, 1830. Тщательно составленный сводъ свѣдѣній о древней Индіи, на основаніи источниковъ, доступныхъ автору, который жалуется на бѣдность сочиненій, по части санскритской литературы (Vorrede, XII) въ библіотекѣ кенигсбергскаго университета, гдѣ онъ былъ преподавателемъ. Хотя Болену нельзя отказать ни въ учености, ни въ основательномъ знакомствѣ съ правильными пріемами исторической критики, тѣмъ не менѣе многіе изъ его сужденій и выводовъ оказываются рѣшительно несостоятельными, чему, кромѣ общей причины — неудовлетворительной разработки матеріаловъ, относящихся къ изученію индійской древности, въ то время, когда явилась книга Болена, не мало способствовали сознаваемое имъ самимъ (XI) пристрастіе его къ Индіи и желаніе, во что бы то ни стало, находить аналогію между индійскими и египетскими учрежденіями. Эти два конька

---

[1] *Lassen*, Indische Alterthumskunde, 2 Band. S. 570 (1 изд.).

автора много повредили достоинствамъ сочиненія и даже привели автора его къ нѣкоторымъ весьма крупнымъ странностямъ. Такъ, напр., Боленъ относится довольно снисходительно, даже съ сочувствіемъ, къ кастовому устройству (2er Band. S. 33—35), смягчая вредъ, причиненный имъ развитію жизни индійскаго человѣчества, и преувеличивая выгодныя стороны этого устройства, заключающіяся, по мнѣнію его, въ ослабленіи свѣтскаго деспотизма, охраненіи чистоты нравовъ и въ-особенности цвѣтущемъ состояніи промышленности, не смотря на крайнюю неудовлетворительность орудій производства, а варварскій обычай сожженія вдовъ Боленъ объясняетъ добровольными побужденіями несчастныхъ жертвъ фанатизма (1er B. S. 296), какъ будто суевѣріе, съ умысломъ раздуваемое жрецами, не заключаетъ въ себѣ понудительной силы. Индійская тримурти — Брама, Вишну и Сива, пріурочивается имъ къ египетскимъ Пта, Кнефу и Озирису (1er Band. S. 203—213), при чемъ авторъ не колеблется имя послѣдняго производить отъ одного корня съ Isvaras, Господь, эпитетомъ, придаваемымъ Сивѣ священными книгами индусовъ. Къ числу капитальныхъ недостатковъ сочиненія должно отнесть и то, что авторъ основалъ изложеніе политической исторіи Индіи исключительно на извѣстіяхъ классическихъ писателей и вовсе не пользовался туземными источниками, хотя нѣкоторые изъ нихъ были уже изданы. Между частными промахами и погрѣшностями, встрѣчающимися у Болена, замѣтимъ неправильное причисленіе имъ судровъ къ одному племени съ тремя высшими кастами (2er Band. S. 39), и ошибку въ разсказѣ о происхожденіи основателя буддизма Готамы, который названъ сыномъ владѣтеля Магады (1er B. S. 310), между тѣмъ какъ отецъ его царствовалъ въ Капилавастѣ (близъ нынѣшняго Горакпура), а Магада была только главнымъ мѣстомъ аскетическихъ подвиговъ и приготовленія къ пастырскому служенію Будды.

Indische Alterthumskunde von *Christ. Lassen*. Bonn. 1847—1861 (первый томъ 2-го изданія вышелъ въ 1867 году), значительно превосходитъ сочиненіе Болена, что должно приписать не одному различію критической способности обоихъ авторовъ, но и успѣхамъ, сдѣланнымъ изученіемъ индійскихъ древностей въ періодъ между выходомъ въ свѣтъ ихъ сочиненій. Трудъ Лассена состоитъ изъ четырехъ объемистыхъ томовъ. Большая часть перваго тома посвящена географіи и этнографіи Индіи и при томъ полуострова не только по-сю, но и по-ту сторону Ганга, со включеніемъ индійскаго архипелага.

Въ разработкѣ географическаго отдѣла, авторъ руководствовался главнымъ образомъ Риттеромъ, являясь, впрочемъ, и самостоятельнымъ изслѣдователемъ, при рѣшеніи нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, напр. вопроса о библейскомъ Офирѣ (1. S. 537—539), который пріурочивается Лассеномъ къ Абиріи (Abiria) у Птоломея, лежавшей близъ устьевъ Инда. Замѣтимъ, однако, что мнѣніе это, получившее право гражданства въ наукѣ, въ послѣднее время встрѣтило возраженія со стороны Гога (Haug) и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Отдѣлъ этнографіи отличается болѣе самостоятельною и научною обработкою матеріала. Жаль только, что авторъ не представилъ характеристики первобытнаго арійскаго народа, на основаніи данныхъ, добытыхъ сравнительною филологіею такъ называемыхъ индо-европейскихъ языковъ, чего мы въ-правѣ были бы ожидать, если не отъ перваго, то отъ втораго изданія его сочиненія, послѣ выхода въ свѣтъ трудовъ Пикте, Шлейхера, Куна и др. Тогда читатель могъ бы составить ясное понятіе о томъ, на сколько характеръ аріевъ измѣнился въ новой родинѣ ихъ подъ вліяніемъ историческихъ и географическихъ причинъ, а съ другой стороны — на сколько въ свою очередь онъ вліялъ на ходъ событій въ долинахъ Инда и Ганга. Исторію Индіи Лассенъ дѣлитъ на 2 обширные періода: a) до Будды и b) со време-

ства именъ или разсказовъ выводитъ заключенія, рѣзко бросающіяся въ глаза своею своеобразностію, такъ, напр., первую колыбель человѣчества или земной рай, по мнѣнію его, слѣдуетъ искать близъ Гималая (свящ. Меру индусовъ), въ кашемирской долинѣ, на томъ основаніи, что высочайшія горы, а къ числу ихъ принадлежитъ Гималайскій хребетъ, высохли прежде другихъ мѣстностей и что Кашемиръ представляетъ всѣ условія, необходимыя для жизни первыхъ людей. Авраама г. Крузе отождествляетъ то съ Брамой, то съ основателемъ религіи огня Зердуштой или Зороастромъ, а библейскую Сару принимаетъ за одно лицо съ Сарасвати, супругой Брамы. Геркулесъ, которому греческіе писатели приписываютъ построеніе Палимботры, столицы индійскаго государства Празіевъ, по мнѣнію автора, есть не кто иной, какъ воспѣтый Магабгаратой Кришну, воплотившійся Вишну, и эпоху его, на основаніи собственной редакціи извѣстія Мегасѳена, онъ не колеблется отнести къ 3194 году до Р. Х., т. е. къ тому времени, когда, по словамъ Пуранъ, родился Кришну, хотя самъ-же не придаетъ никакой цѣны хронологическимъ даннымъ индусовъ, доводя недовѣріе свое въ этомъ случаѣ до крайности. Четвертый и пятый отдѣлы содержатъ мало собственно историческихъ фактовъ, но недостатокъ этотъ отчасти вознаграждается весьма дѣльными и нерѣдко самостоятельными замѣтками автора, по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ древней географіи Индіи. Такъ напр., при помощи индійскихъ источниковъ и извѣстій новѣйшихъ путешественниковъ, онъ исправляетъ сообщаемыя Птоломеемъ имена Ἀιρράδων и Ῥάμναι, измѣнивъ чтеніе ихъ въ Κιρράδων и Ῥαναι. Названіе перваго изъ этихъ городовъ до сихъ поръ существуетъ въ имени Киратъ (Khirat) въ Непалѣ, а золотую страну (aurea regio) Птоломея г. Крузе, по-видимому, основательно пріурочиваетъ къ нынѣшнему

Ассаму, который по словамъ путешественниковъ (напр. Tavernier и Mac Coshs) изобилуетъ золотомъ и серебромъ.

Лучшія изъ спеціальныхъ сочиненій будутъ указаны при изложеніи тѣхъ отдѣловъ исторіи Индіи, къ которымъ они относятся.

Этнографія. Вліяніе мѣстныхъ условій на характеръ и развитіе народа.

Согласно однажды принятому плану, мы начнемъ обозрѣніе историческихъ судебъ Индіи съ ея этнографіи, которая служитъ подтвержденіемъ той истины, что только тамъ, гдѣ въ началѣ или, такъ сказать, въ преддверіи исторіи народа встрѣчается противоположность племенныхъ и соціальныхъ началъ, могутъ развиться вполнѣ или до опредѣленной точки, смотря по внутреннему свойству каждаго человѣческаго племени, сѣмена прочной и самостоятельной образованности. « Для цивилизаціи народовъ потребны всегда разнородные элементы, и борьба этихъ элементовъ есть необходимое условіе дальнѣйшаго развитія ея. Это условіе образованности проглядываетъ въ исторіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, и если помянутыя противоположныя начала изглаживаются въ продолженіе вѣковъ, постепенно сливаясь и сростаясь въ одно цѣлое, такъ-что для историка уже трудно или даже невозможно различить первоначальный дуализмъ, то это бываетъ уже тогда, когда образованность достигла высокой степени своего развитія, или остановилась на той, которая сообразна съ религіозными и государственными учрежденіями и вообще съ духомъ каждаго народа. Но если обратимся къ источникамъ происхожденія каждой націи, такъ ска-

зать, къ «origines gentium», помянутый дуализмъ является предъ нашими глазами въ ясныхъ, отличительныхъ очеркахъ. Такимъ образомъ развитіе эллинскихъ и италіянскихъ народовъ обусловлено вѣковыми войнами враждующихъ племенъ».

«Начала образованности Франціи коренятся въ отношеніи побѣжденныхъ народовъ галльскихъ къ грубымъ племенамъ германскихъ побѣдителей. Въ Англіи на поприщѣ исторіи являются римляне и бретоны, потомъ саксонцы и бретоны и, наконецъ, норманны и саксонцы. Образованность самой Германіи основана на взаимныхъ завоеваніяхъ римлянъ въ Германіи и германскихъ народовъ въ римскихъ владѣніяхъ»[1].

Однимъ словомъ, до сихъ поръ не извѣстенъ ни одинъ историческій народъ, національность котораго нельзя бы было разложить на составныя части двухъ или болѣе племенъ, слившихся воедино силою исторіи, и въ настоящее время признано, что чѣмъ разнообразнѣе первоначальный этнографическій составъ какого-либо государства, тѣмъ важнѣе значеніе его въ политическомъ или умственномъ развитіи человѣчества. Если-бы этотъ законъ, открываемый изученіемъ исторіи, былъ извѣстенъ Духинскому, то, конечно, онъ не сталъ бы упрекать насъ, русскихъ, въ томъ, что мы не чистые славяне и что въ жилахъ нашихъ течетъ туранская кровь. Правда, русская народность сложилась подъ преобладающимъ вліяніемъ славянизма, изъ нѣсколькихъ элементовъ, въ числѣ которыхъ есть финскій и монгольскій, но это обстоятельство столь-же мало мѣшаетъ нашему отечеству стать во главѣ славянскаго міра, какъ Пруссіи не чисто германское происхожденіе ея жителей не помѣшало занять первое мѣсто въ политической системѣ Германіи, а Піемонту — сдѣлаться органомъ объединенной Италіи, не смотря на то, что мѣстность,

---

[1] *Лунинъ*, см. статью его «Взглядъ на жизнь индостанскаго народа» въ Жур. мин. нар. просвѣщ. Часть XV.

въ которой лежитъ нынѣшній Піемонтъ, въ древнѣйшія времена не причислялась къ собственной Италіи и составляла часть такъ называемой цизальпинской Галліи.

Въ народонаселеніи Индостана сливаются также два различныя происхожденія. Это — племена кавказскія, отрасль такъ называемыхъ аріевъ, и племена первобытныхъ жителей, которые принадлежатъ къ негритянской породѣ, хотя и не чисто африканскаго типа, но близко подходящаго къ нему. Послѣдними когда-то населена была вся индійская земля отъ Инда до устьевъ Ганга и отъ Гималая до мыса Коморина. Эту первобытную людность, не перешагнувшую самой низкой ступени природныхъ дикарей, мало-по-малу прогнало въ горы или покорило и пріучило къ гражданственной жизни племя кавказскаго происхожденія, спустившееся чрезъ западные проходы Гиндукуша[1] въ ближайшія равнины. Водвореніе пришельцевъ въ полной мѣрѣ совершилось въ области Инда, гдѣ древнія темноцвѣтныя племена совершенно исчезли, такъ-что въ историческое время едва кое-гдѣ замѣтны ихъ слѣды. И на равнинахъ Ганга между арійскимъ народонаселеніемъ на памяти исторіи сохранились лишь немногочисленные остатки коренныхъ туземцевъ, вѣроятно тѣ, которые въ индійскомъ эпосѣ извѣстны подъ именемъ «черной судры». Напротивъ того, въ лѣсахъ и горахъ, въ срединѣ и на югѣ страны, гдѣ широко развѣтвленныя горныя цѣпи Виндіи (Vindhja) представляютъ недосягаемый пріютъ, дикія племена удержались при естественной свободѣ, упорно сопротивляясь всякому постороннему вліянію. Около Амаракантака[2] (вершина безсмертныхъ) и у источниковъ Нар-

---

[1] *Lassen*, Indische Alterthumskunde, 1-er Band. S. 515.

[2] Такъ называется возвышенность на восточной сторонѣ виндійскаго хребта, лежащая подъ 22°, 50′ сѣверной широты и 99°, 47′ восточной долготы.

мады и Вейне Ганга, живутъ подъ различными названіями племена Гонда, отличающіяся кожею темнаго цвѣта, длинными черными волосами, хищническими нравами и особеннымъ языкомъ. Нѣкоторые изъ нихъ — совершенные каннибалы. Такъ, напримѣръ, у амаракантакскихъ гондовъ до сихъ поръ существуетъ варварскій обычай убивать дряхлыхъ и болѣзненныхъ членовъ семейства и отдавать ихъ на съѣденіе родственникамъ, обычай, напоминающій разсказъ Геродота, при описаніи индійскихъ племенъ, Колатіевъ (быть можетъ онъ кала, черный) и Падэевъ (III, 38. 99). Къ западу отъ земли Гондовъ, на лѣсистыхъ высотахъ Сатпуры, между рѣками Нармадою и Тапти и въ сосѣднихъ горахъ, съ незапамятныхъ временъ обитаетъ народъ Билла, раздѣленный на множество чистыхъ и смѣшанныхъ племенъ цвѣта чернаго, небольшаго стройнаго стана, крѣпкій и проворный тѣломъ; близкое соприкосновеніе съ браманскими народами отчасти смягчило и измѣнило его первобытные нравы, но отнюдь не уничтожило ихъ. Въ лѣсистыхъ холмахъ Суратры, на западной сторонѣ Гузурата, живутъ Колы, составляющіе около двухъ-третей мѣстнаго народонаселенія. Они занимаются земледѣліемъ, но, не смотря на усвоенные ими браманскіе нравы, дики, хищны и съ трудомъ удерживаются въ повиновеніи. На восточныхъ отрогахъ виндійскаго хребта есть также не цивилизованные народы, напримѣръ: Канда на югѣ, которые вѣруютъ въ колдовство и, для умилостивленія своихъ божествъ, олицетворяютъ разныя естественныя силы, прибѣгаютъ къ человѣческимъ жертвамъ, покупая и воруя для этой цѣли дѣтей у сосѣднихъ инородцевъ, и Пагарія, или Малли[1] (горцы) на сѣверѣ, въ богатой источниками плодоносной группѣ холмовъ.

---

[1] Такъ они называютъ сами себя. Пагарія есть бенгальскій переводъ этого имени. Ср. *Lassen*, Indische Alterthumskunde. Т. 1-й, стр. 380.

Всѣ племена Виндіи носятъ явные слѣды близкаго родства; напротивъ, тѣ, которыя обитаютъ на поморьѣ Декана (Dakshina — южная страна) и къ которымъ принадлежатъ тулува, карната, малабары, тамулы и телинга (трилинга), по-видимому, другаго происхожденія и отличаются отъ первыхъ тѣлосложеніемъ и нарѣчіями, которыя одними изъ новѣйшихъ изслѣдователей причисляются къ туранской семьѣ, между тѣмъ какъ другіе смотрятъ на нихъ, какъ на особую самостоятельную отрасль составительныхъ (zusammenfügende, agglutinirende Sprachen) языковъ (дравида). Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, а именно жители равнинъ, нравами и образомъ жизни приближаются къ браманскимъ индусамъ, напротивъ — удалившіеся въ горы упорно держатся первобытной дикости и варварскихъ обычаевъ. Въ Гималаѣ также попадаются кое-гдѣ (напримѣръ Раги въ Камаонѣ), хотя и не въ большомъ числѣ, остатки индійскихъ аборигеновъ. Со всѣми вышепоименованными племенами вели борьбу аріи, которые на западѣ заняли пространство по всему теченію Инда, отъ долины, при верховьяхъ рѣки, до самаго ея устья, и къ востоку разселились по равнинамъ Ганга, между высотами Гималая и по лѣсистымъ склонамъ горной цѣпи Виндіи.

Теперь мы должны познакомиться ближе съ народомъ, покорившимъ и цивилизовавшимъ Индію. Народъ этотъ, какъ мы сказали, принадлежитъ къ кавказской породѣ и составляетъ отрасль обширнаго племени аріевъ, отъ котораго произошли не только браминскіе индусы и иранцы, но также греки, римляне и большая часть жителей новой Европы, въ томъ числѣ и наши предки, славяне. Первобытнымъ отечествомъ его, во времена историческія, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, были Бактрія (Балкъ) и Согдіана (Бухара и Самаркандъ), откуда аріи, вѣроятно тѣснимые монгольскими племенами, распространились въ Иранѣ, Индіи и Европѣ, составивъ двѣ большія

группы: восточную (аріи Ирана и Индіи) и западную (аріи европейскіе). Такимъ образомъ изъ этого общаго гнѣзда вышли племена индійскія, иранскія, славянскія, германскія, кельтическія, латинскія и греческія, представляя фигуру эллипсиса въ своемъ постепенномъ распространеніи по лицу земному. Восточный фокусъ этого эллипсиса, пересѣкаемый верховьями Оксуса, составляетъ Бактрія; изъ фокуса идутъ двѣ линіи, сначала параллельно и даже сливаясь, а потомъ раздвоясь: одна на юго-востокъ, другая на юго-западъ. Эти линіи представляютъ собою группу индо-иранскую, или санскрито-зендскую, которая съ одной стороны распространяется до Инда и Ганга, а съ другой до Персіи и Мидіи. Прямая линія по направленію къ далекому западу обозначаетъ собою кельтовъ, которые въ своемъ пути останавливаются только у Атлантическаго океана. Между этою послѣднею линіей и двумя первыми обозначается группа греко-латинская; выше линіи кельтской слѣдуетъ провести линію германо-скандинавскую, а еще выше славяно-литовскую. Во всемъ мірѣ нѣтъ источника эмиграціи болѣе обильнаго и неизсякаемаго. Отсюда населились — Индія, Иранъ, Малая Азія и Европа; потомъ это населеніе наводнило Америку, затронуло Африку и теперь достигаетъ Австраліи.

Благодаря успѣхамъ сравнительной этнологіи, мы знаемъ не только первоначальное мѣсто жительства арійскаго [1] племени

[1] Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, въ-особенности германскихъ, имя аріевъ присвояютъ исключительно азіятской отрасли семейства, т. е. индусамъ и зендамъ, а для обозначенія всего племени употребляютъ термины — индо-европейскій или индо-германскій. Но первое изъ этихъ названій устраняетъ зендовъ и распространяется на всѣ европейскіе народы, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ финско-монгольскому племени, а о странности втораго нечего и говорить. По этому имя «аріи», которое

и направленія, по которымъ разошлись отдѣльныя его вѣтви, но можемъ до нѣкоторой степени возстановить исторію, бытъ, нравы и вѣрованія этого народа, не смотря на то, что онъ не оставилъ никакого непосредственнаго слѣда своего существованія. Главнымъ орудіемъ для этихъ изысканій служитъ сравнительная этимологія, отрасль знанія, которая долго предана была на жертву капризамъ и фантазіи грамматиковъ и только въ послѣднее время возвысилась на степень науки. Считаемъ нелишнимъ сказать о методѣ, при помощи котораго сравнительная этимологія можетъ принести пользу исторіи и которому мы будемъ слѣдовать для возстановленія обломковъ жизни древняго арійскаго народа. Сущность этого метода заключается въ томъ, чтобы посредствомъ сравненія арійскихъ или такъ называемыхъ индо-европейскихъ языковъ изслѣдовать слова и въ-особенности корни, общіе разнымъ вѣтвямъ семейства; черезъ это получатся очевидныя доказательства существованія предмета или понятія, выражаемаго кореннымъ словомъ еще во времена нераздѣльнаго единства этого семейства, и тогда наведеніе позволитъ намъ извлечь изъ одной такой совокупности положительныхъ фактовъ любопытныя заключенія относительно матеріальнаго, политическаго и нравственнаго положенія нашихъ предковъ за 5000 лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ

Пикте, Ревиль и др. писатели придаютъ всему племени, по мнѣнію нашему, должно быть предпочтено названіямъ индо-европейскій и индо-германскій, и мы будемъ придерживаться этого имени, чтобы не быть въ необходимости придумывать новый терминъ. Притомъ же есть основаніе предполагать, что аріями (т. е. родовитыми, знатными) называли себя не только азіятскіе, но и европейскіе члены семьи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, напр. кельты, какъ можно заключить изъ классическаго названія Ирландіи «Hibernia», т. е. земля эровъ или аріевъ (Ibh по-ирландски значитъ страна, племя).

необходимости, чтобы одно какое-нибудь слово находилось во всѣхъ языкахъ арійской семьи, чтобы имѣть право утверждать его существованіе до разселенія арійцевъ. Если одно и то-же слово сохранилось въ ирландскомъ, славянскомъ и санскритскомъ языкахъ, и если можно быть увѣреннымъ, что оно незаимствовано одною вѣтвью у другой, то отсутствіе его въ прочихъ группахъ не будетъ говорить противъ употребленія его общими для всѣхъ арійскихъ племенъ предками. Интересный примѣръ этого рода представляетъ одно изъ арійскихъ названій лошади. Въ санскритѣ до сихъ поръ не отыскано слова, прямо соотвѣтствующаго ирландскому—capalle, латинскому—caballus, славянскому—кобыла, персидскому—kawal. Какъ имя лошади во многихъ языкахъ происходитъ отъ ея быстроты, то Пикте предполагалъ, что всѣ вышеприведенныя названія можно объяснить санскритскимъ словомъ — capalla— быстрый, отъ корня *сар*, движеніе. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось изданнымъ впослѣдствіи (Стамфордомъ Рафлемъ) словаремъ нарѣчія *кави*, изъ котораго видно, что въ этомъ нарѣчіи, составляющемъ священный діалектъ языка яванцевъ и заключающемъ въ себѣ много санскритскихъ словъ, лошадь называется capalla, а какъ извѣстно, что жители индійскаго архипелага заимствовали лошадь отъ браминскихъ индусовъ, то не подлежитъ почти сомнѣнію, что слово capalla—санскритскаго происхожденія, и слѣдовательно въ древнѣйшія времена употреблялось индусами, хотя впослѣдствіи вышло изъ употребленія.

Посмотримъ же теперь на главнѣйшіе изъ результатовъ, добытыхъ наукой, касательно степени цивилизаціи аріевъ [1]

---

[1] Все, что говорится ниже о цивилизаціи аріевъ, изложено по Ревилю (см. статью его Les Ancêtres des Européens d'après la science moderne въ Revue des deux mondes, за 1864 годъ, 1 февр.

до выхода ихъ изъ центральной Азіи. Оказывается, что у нихъ тогда преобладала пастушеская жизнь. Не только названія главныхъ животныхъ, составляющихъ стада, одни и тѣ-же въ большей части арійскихъ языковъ, но также изумительны и соотношенія между словами, означающими: пастухъ, паства, пастбище, стадо, стойло, и т. д. Корень *па* обошелъ едва-ли не всѣ арійскія страны съ первоначальнымъ значеніемъ: кормить, покровительствовать, охранять. Латинская богиня Pales завѣдывала стадами, и слово palatium, дворецъ, сперва означало не что иное, какъ пастбище. Во многихъ языкахъ имя царя, владыки и имя пастыря — одинаковы [1]. Изученіе арійской древности подтвердило то, что было извѣстно прежде изъ Библіи — именно, что богатство измѣрялось стадами и въ нихъ заключалось. Слова, обозначающія собственность, деньги, добычу, повсюду связываются съ словами, обозначающими скотъ и стада [2]. Что касается до земледѣлія, то оно еще не получило важнаго значенія въ эпоху нераздѣльности арійскаго племени. Знаменательно то, что въ языкахъ европейскихъ употребля-

---

кн., и русскій переводъ этой статьи въ Заграничномъ Вѣстникѣ того-же года), но съ дополненіями и поправками, на основаніи сочиненій Пикте, Куна и Шлейхера и рукописныхъ замѣтокъ, сообщенныхъ намъ преподавателемъ сравнительнаго языкознанія въ харьковскомъ университетѣ В. И. Шерцлемъ.

[1] Въ санскритѣ одно изъ древнѣйшихъ названій царя — gopa значитъ собственно «стражъ коровы», отъ корня *go* — корова и *pa* — охранять. Царица въ Ведахъ называется mahiśî, т. е. буйволица. Отъ корня *pa* происходитъ ирландское fo и fal — князь, и наше славянское — панъ.

[2] Латинскія — pecunia (деньги) и peculium (имущество) происходятъ отъ pecus скотъ. У насъ слово «животы» сдѣлалось терминомъ для обозначенія всякой движимости. Въ древне-греческомъ ἀβούτης, т. е. неимѣющій быковъ, употреблялось въ смыслѣ бѣднаго, напр. у Гезіода, см. Работы и дни, стихъ 451.

ются слова одного корня для обозначенія главныхъ дѣйствій земледѣльческихъ: пахапія (корень *ar* означаетъ пахать), сѣянія *(sa)*, молотьбы (*mal* молоть), тогда-какъ языки азіятской отрасли — санскритъ и зендъ не представляютъ въ этомъ случаѣ соотвѣтствія. Это можетъ подтвердить тотъ фактъ, что сначала послѣдовало раздѣленіе на двѣ группы, изъ которыхъ одна (*индо-иранская*) осталась въ Азіи, а другая впослѣдствіи сдѣлалась европейскою.

У первоначальныхъ аріевъ были постоянныя жилища (dama — домъ), построенныя изъ дерева, и печи. Послѣднія складывались изъ камня, açman, а названіе печей было или то-же самое: açman (камень), или производное отъ него. (Глаголы *печь* и *варить* и существительное *огонь* выражались посредствомъ корней: первые — pač, а послѣднее — ag). Тканье также извѣстно было нашему племени. Есть много указаній, что снарядъ, для того употреблявшійся, заставлялъ ткача работать стоя. Вертикальный способъ тканья и теперь употребляется въ Индіи. Такимъ образомъ пища аріевъ, по всей вѣроятности, состояла изъ вареннаго и жареннаго мяса съ поджареннымъ зерномъ или кашицей (можетъ быть даже съ тѣстомъ), молока и мёду, который такъ-же какъ и приготовляемый изъ него опьяняющій напитокъ, назывался madhu, и они ходили не въ звѣриныхъ кожахъ, но въ одеждѣ, сотканной изъ шерсти и волокнистыхъ растеній.

Судоходство, у занимающаго насъ народа, не выходило изъ дѣтства. Названія лодки и весла одни согласуются, тогда какъ слова, служащія для обозначенія мачты и парусовъ, имѣютъ особое происхожденіе и различны даже у сосѣднихъ народовъ. Это, вмѣстѣ съ другими предположеніями о свойствѣ страны, откуда вышли аріи, доказываетъ, что имъ было извѣстно рѣчное судоходство, и то въ небольшихъ размѣрахъ. Сравнительная этимологія арійскихъ словъ, относящихся къ войнѣ, пока-

зываетъ, съ другой стороны, что наши предки были народъ смѣлый, воинственный, у котораго понятія о битвѣ, удали и добычѣ играли очень важную роль. Шесть вѣтвей арійскаго семейства одинаковымъ словомъ обозначаютъ понятіе о славѣ въ смыслѣ послѣдствія подвиговъ, далеко раздающихся. Слово знамя весьма древнее; понятіе, имъ представляемое, чувство имъ внушаемое, должны быть также древни въ нашемъ племени.

Проникая въ домашнюю жизнь аріевъ, видимъ, что у нихъ существовалъ бракъ, окруженный торжественными, покровительственными для женщины обрядами. Мужъ вводилъ къ себѣ свою жену: это выраженіе встрѣчается повсюду. Вспомнимъ у Нестора *вводимыхъ* женъ Владиміра, въ отличіе отъ наложницъ. Наше слово невѣста имѣетъ одинъ корень съ санкритскимъ niviśtâ, что значитъ *вступившая, введенная*. Соединеніе рукъ вступающихъ въ супружество, латинское dexterarum junctio, служило символомъ обѣщанія взаимной вѣрности. Въ Ригъ-Ведѣ мужъ называется hastagrâbha, т. е. получающій руку, а свадьба въ классическ. санскритѣ выражается чрезъ pânigraha или pânigrahana — взятіе руки. По всему видно, что одноженство было обычаемъ нашего племени, не смотря на извѣстныя по исторіи исключенія.

Нѣтъ основанія полагать, что письмена были употребительны у арійцевъ до ихъ разселенія и даже извѣстны имъ. Отсюда множество символическихъ обрядовъ, смыслъ которыхъ потерянъ даже тамъ, гдѣ они еще существуютъ, но которые освѣщаются неожиданнымъ свѣтомъ, когда отыщемъ ихъ начало въ до-историческія времена. Борозда, проведенная вокругъ поля, была первоначальною границею. Это доказывается тождествомъ корней, отъ которыхъ произошли слова, означающія борозду и границу. Передача собственности мѣною, продажею, наслѣдствомъ была окружена торжественнымъ обрядомъ: пожать руку

или ударить по рукамъ еще въ глубокой древности было символомъ продажи. У насъ до сихъ поръ безъ рукобитія въ простомъ народѣ не совершается ни одной сдѣлки.

Астрономическія познанія аріевъ были весьма ограниченны. Не зная настоящей причины затменій, они объясняли ихъ болѣзнью свѣтила или нападеніемъ на него враждебнаго существа. У нихъ, какъ и вездѣ, лунный годъ предшествовалъ солнечному, потому что перемѣны луны легче вычислить и предсказать. Наконецъ, первоначальныя числительныя, изумительно сходныя во всѣхъ языкахъ семейства, своею этимологіею свидѣтельствуютъ, что первую систему нумерація человѣкъ основалъ на пяти пальцахъ своей руки. Пять значитъ рука. Замѣтимъ однакоже, что параллелизмъ числительныхъ именъ останавливается на словѣ «сто» и это заставляетъ предполагать, что способъ вычисленія у аріевъ находился еще въ младенческомъ состояніи. За-то существенныя грамматическія формы образовались и установились прежде, чѣмъ произошло первое раздѣленіе племени, что̀ доказывается поразительнымъ сходствомъ между санскритомъ и нарѣчіемъ, на которомъ говоритъ въ Берлинѣ литовскій рекрутъ. По словамъ Макса Миллера, сходство это гораздо значительнѣе существующаго между языками французскимъ и италіянскимъ.

Наконецъ мы приступаемъ къ самой богатой и во многихъ отношеніяхъ самой интересной изъ областей, доступныхъ сравнительной филологіи, къ области религіозныхъ вѣрованій. Пикте полагаетъ, что если религіею аріевъ, въ послѣдней степени ея развитія, былъ поэтическій политеизмъ, поклоненіе обоготворенной природѣ, то она не была такою въ самомъ началѣ, и что политеизму временъ историческихъ предшествовалъ монотеизмъ, конечно весьма несовершенный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться. Посмотримъ на доказательства, приводимыя въ его подкрѣ-

пленіе. Самое древнее имя бога въ арійскихъ языкахъ — *deva*. Оно сохранилось въ языкахъ санскритскомъ, зендскомъ (гдѣ получило значеніе демона), латинскомъ, ирландскомъ, литовскомъ. Пикте представляетъ филологическое разсужденіе, имѣющее цѣлью доказать, что это слово значитъ не «свѣтлый», какъ полагали прежде, а «небесный». Здѣсь заключается, говоритъ онъ, понятіе о Богѣ, стоящемъ выше міра. Но если слово *deva* значитъ небесный, то слово *div*, отъ котораго оно происходитъ и которое означаетъ небо, по собственному признанію Пикте, значитъ «свѣтлый». Слѣдовательно выраженіе «существо небесное» вполнѣ соотвѣтствуетъ выраженію «существо свѣтлое», и арійскій deva есть не болѣе, какъ олицетвореніе естественнаго явленія. Что касается до другаго ведическаго имени божества — *bhaga* (кормилецъ, податель благъ, покровитель), сроднаго древне-персидскому baga и славянскому Богъ, то, хотя оно и не указываетъ прямо на поклоненіе природѣ, но и не даетъ права, основываясь на немъ, дѣлать заключеніе о духовномъ характерѣ религіи аріевъ. Гимны или молитвы отдѣльному божеству, въ которыхъ приписывается ему безусловное совершенство, также ничего не доказываютъ: ибо человѣкъ, когда обожаетъ, не обожаетъ въ-половину. Прежде чѣмъ признать монотеистомъ человѣка, поющаго подобный гимнъ или читающаго такую молитву, необходимо убѣдиться, что завтра онъ не воздастъ такой-же почести божеству совершенно противоположному.

Въ числѣ религіозныхъ понятій, несомнѣнно вынесенныхъ изъ общаго центра различными вѣтвями, мы встрѣчаемъ, кромѣ представленія о томъ, что божество по природѣ своей свѣтло, олицетвореніе солнца, луны, зари и т. д. Море поэзіи открылось предъ взорами изыскателей съ тѣхъ поръ, какъ древніе миѳы, провѣренные критикой, сдѣлались достаточно прозрачными для того, чтобы видѣть природу подъ ихъ простодушнымъ симво-

ломъ. Множество фантастическихъ представленій, долго презираемыхъ, но, благодаря романтической реакціи, ставшихъ общимъ достояніемъ поэтовъ и артистовъ, ведутъ свою генеалогію отъ арійской древности. Знаменитый германскій миѳъ объ охотѣ на своемъ пути оставилъ слѣды на берегахъ Инда и въ лѣсахъ Швабіи. Повсюду, богъ вѣтра несется въ пространствѣ, предводительствуя бѣшеною толпою тучъ и бурь. Укажемъ также на представленіе о богѣ-солнцѣ, ѣдущемъ по небу въ колесницѣ, запряженной свѣтлыми конями, какъ на общее всѣмъ арійскимъ народамъ.

Точно такъ-же и въ символикѣ аріевъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ символическихъ представленіяхъ египтянъ и халдеевъ. И въ этомъ отношеніи отдѣльные члены семьи имѣютъ много общаго. Таково понятіе о святости нѣкоторыхъ птицъ, напр. гуся и лебедя, который считался вѣщею птицей у грековъ и древнихъ германцевъ [1]. Супруга Брамы Сарасвати и самъ Брама изображаются ѣдущими на гусѣ, и индійскіе мудрецы (Rischi) принимаютъ образъ этой птицы всякій разъ, когда имъ приходится возвѣщать волю боговъ, а священныя гуси Юноны въ Римѣ пріобрѣли историческую извѣстность.

Есть доказательства, что первоначальному богослуженію аріевъ чужды были жрецы и идолы, что молитва и жертвы составляли его сущность и что отецъ семейства былъ жертвоприноситель по естественному праву. Восходятъ ли человѣческія жертвы, нерѣдко упоминаемыя въ исторіи нашего племени, ко временамъ арійскаго единства? Пикте этого не думаетъ, Но погребальные обряды скандинавовъ, германцевъ, литовцевъ, славянъ, древнихъ грековъ и еще болѣе сохранившіяся на памяти исторіи жертвы аркадскихъ пеласговъ, эолянъ (миніевъ), галловъ и самыхъ римлянъ показываютъ во всякомъ случаѣ, что начало

---

[1] Indische Alterthumskunde von *Chr. Lassen*, 1-er Band. S. 785–786.

этого ужаснаго обряда относится къ глубокой древности. Съ другой стороны, есть основаніе думать, что вѣра въ будущую жизнь принадлежитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ нашего племени. Повсюду находимъ слѣды болѣе или менѣе простодушныхъ пріемовъ, которыми старались обезпечить дорогимъ мертвецамъ мирный и покойный путь въ загробную обитель.

Таковъ былъ народъ, которому предназначено играть первую роль въ исторіи и который жилъ безъ всякаго понятія объ утонченностяхъ цивилизаціи, въ состояніи почти патріархальной простоты, въ то время какъ Нимвроды, Хеопсы (Шуфу) и Апапи (Пепи) наполнили всю землю славой своихъ подвиговъ и оставленныхъ ими памятниковъ. Думали ли тогда эти гордые властители, что этимъ жалкимъ полу-кочующимъ кучкамъ людей принадлежитъ будущность человѣчества. Однако же этого должно было ожидать отъ прекрасныхъ способностей аріевъ, о которыхъ достаточно свидѣтельствуетъ словарь ихъ языка, представляющій ничѣмъ неподкупленное подтвержденіе теорій, выработанныхъ высшимъ разумомъ образованнаго человѣчества. Такъ, однимъ изъ древнѣйшихъ именъ богатства оно опредѣляется прибыткомъ, полученнымъ отъ труда [1]. Человѣкъ для нашихъ предковъ — существо мыслящее: *man*, слово, сохранившееся въ германскомъ Mann и въ древн. индійск. manu, человѣкъ, праотецъ людей, принадлежащихъ къ одному корню (man=думать) съ существительными: санскр. màti (manti), и mànas — мысль, умъ, латинск. mens и славянск. **па-мѧть** (ѧ=ен). Думать: говорить въ брюхѣ — выражается дикарь, дѣйствовать внутри себя (co-gitare) — говорилъ аріецъ. Душа — дыханіе, то, что есть самаго невещественнаго въ мірѣ. Сочи-

---

[1] Въ санскритѣ lâbha — прибытокъ и labhasa — богатство происходятъ отъ корня labh, общаго съ латинскимъ словомъ labor и литовскимъ loba, означающими трудъ.

нить гимнъ—значитъ соткать его. Вспомнить—«подумать снова, возобновить въ себѣ мысль». Этотъ смыслъ, указываемый санскритскими корнями, съ точностію передается латинскимъ recordari (возвратить въ себя), нѣмецкимъ erinnern (заставить войдти въ себя). Нравственное зло — это пятно, то, что грязнитъ [1]. Сколько инстинктивной тонкости въ этихъ самодѣльныхъ выраженіяхъ явленій нравственныхъ и умственныхъ!

Спрашивается, къ какому времени относится первое раздѣленіе аріевъ? Само собою разумѣется, что было бы странно ожидать на этотъ вопросъ категорическаго отвѣта, зная, до какой степени шатка хронологія до-историческихъ событій, основанная даже на такомъ авторитетномъ источникѣ, какъ священное писаніе. Возьмемъ, напримѣръ, всемірный потопъ. По еврейскому тексту Библіи этотъ замѣчательный переворотъ произошелъ въ 2348 году, по самаританскому — 3044, а по греческому 70-ти толковниковъ въ 3716 году до Р. Хр. Пикте полагаетъ, что первое выдѣленіе аріевъ изъ общаго корня послѣдовало по-крайней-мѣрѣ за 30 столѣтій до начала христіанской эры, и это исчисленіе должно признать скорѣе умѣреннымъ, нежели преувеличеннымъ, если взять во вниманіе, съ одной стороны, что для того, чтобы арійскій языкъ могъ достигнуть той степени, на которой мы находимъ его въ эпоху Ведъ, потребны были тысячелѣтія (по Шлейхеру), а съ другой, что астрономическія наблюденія въ Индіи производились за 3102 года до Р. Хр., какъ явствуетъ изъ дошедшихъ до насъ таблицъ, опредѣляющихъ, и при томъ довольно вѣрно, положеніе нѣкоторыхъ свѣтилъ и движеніе планетъ Сатурна и Юпитера. Предположеніе, что таблицы эти основаны не на собственныхъ наблюденіяхъ

[1] Mala, malam, по-санскритски грѣхъ, значитъ собственно грязь, нечистота. Къ тому же корню принадлежатъ латинское malum и кимврское mall—зло. Смотри *Pictet*, Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs. T. II. p. 559—560.

браминовъ, но на свѣдѣніяхъ, заимствованныхъ ими у другихъ народовъ, какъ-то вавилонянъ и китайцевъ, при извѣстной изолированности индійцевъ — имѣетъ на своей сторонѣ мало вѣроятія...

Познакомившись съ народомъ, вытѣснившимъ туземцевъ Индіи, взглянемъ на страну, которую суждено ему было покорить и цивилизовать, и которая въ свою очередь по необходимости должна была оказать вліяніе на дальнѣйшее развитіе его характера. — Индія образуетъ полуостровъ, окруженный съ трехъ сторонъ моремъ, а съ сѣвера исполинскимъ хребтомъ Гималая, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ высоты 22, 24 и даже 28 тысячъ фут. Находясь между 36½° и 8° с. ш., полуостровъ этотъ принадлежитъ частію къ тропическимъ, а частію къ сутропическимъ странамъ. Климатъ хотя вообще и знойный, но не въ такой степени, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по географическому положенію страны, что̀ должно приписать вліянію гималайскихъ горъ, которыя съ одной стороны защищаютъ ее отъ суровыхъ вѣтровъ сѣвера, а съ другой, задерживая дождевыя тучи, гонимыя съ южнаго моря муссонами, заставляютъ ихъ изливаться въ равнинахъ. Притомъ же вѣчные снѣга, покрывающіе вершины исполинскаго хребта, содержа неистощимый запасъ водъ, питаютъ систему такихъ громадныхъ рѣкъ, какъ Индъ и Гангъ, которыя, въ-особенности послѣдній, во время разлитія выступаютъ изъ береговъ и распространяютъ далеко вокругъ себя плодотворную влагу. А какъ соединеніе теплоты съ влажностію есть источникъ плодородія, то неудивительно, что почва Индіи весьма производительна, хотя съ другой стороны расточительность природы здѣсь не доходитъ до такой крайности, какъ напримѣръ въ Бразиліи или на островахъ индійскаго архипелага, гдѣ человѣкъ можетъ удовлетворять необходимымъ жизненнымъ потребностямъ безъ всякихъ заботъ съ его стороны. По справедливому замѣчанію Лас-

сена, къ особому счастію Индіи должно отнести, что судьба дала ей въ удѣлъ не саговую пальму и бананъ, которые размножаются сами собою, но рисъ и хлопчатобумажникъ, требующіе культуры. Такимъ образомъ Индія самою природою предназначена къ земледѣлію, которое побуждаетъ человѣка къ правильному труду и внимательному наблюденію природы, заставляетъ его уважать собственность и вообще служитъ основаніемъ благоустроенной государственной жизни.

Не менѣе выгодно положеніе Индіи въ отношеніи къ другимъ частямъ свѣта. Море, которымъ она окружена съ трехъ сторонъ, при несовершенствѣ мореплаванія въ древности, ограждало ее отъ честолюбивыхъ замысловъ завоевателей, не препятствуя впрочемъ торговымъ ея сношеніямъ, и уже за 1000 лѣтъ до Р. Х., а можетъ быть и ранѣе, индійская страна Абгиры, лежавшая въ устьѣ Инда, посѣщаема была иностранными купцами. Вообще топографія новаго отечества аріевъ,— не смотря на нѣкоторые недостатки, какъ напримѣръ, жаркій климатъ, долженствовавшій отчасти ослабить энергію, свойственную первобытному арійскому народу, и дѣйствіе на его воображеніе, и безъ того живое, поразительныхъ явленій и видовъ природы, каковы частыя землетрясенія и громадныя рѣки и горы,— заключала въ себѣ много благопріятныхъ условій для развитія цивилизаціи, и счастливыя способности пришельцевъ могли бы принести богатый плодъ, если-бы законы и лица, стоявшія въ главѣ общественнаго движенія, вмѣсто того чтобы поощрять пороки, вызываемые климатомъ, энергически противудѣйствовали имъ. Впрочемъ, не смотря на злоупотребленіе власти и угнетеніе низшихъ классовъ народа высшимъ, Индія успѣла развить значительную, хотя и одностороннюю, цивилизацію. Но собственно въ политическомъ отношеніи она никогда не имѣла особенной важности, что зависѣло частію отъ вліянія моральныхъ причинъ, о которыхъ будетъ сказано при изложеніи са-

мой исторіи Индіи, а частію отъ географическихъ условій страны, пересѣкаемой высокими горами, которыя препятствовали образованію большихъ государствъ и давали горцамъ возможность, въ случаѣ покоренія ихъ жителями равнинъ, снова возвращать утраченную независимость.